

John
GALSWORTHY
1867 – 1933

ДЖОН
ГОЛСУОРСИ

Темный цветок

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Г 61

Перевод с английского Инны Бернштейн
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

ISBN 978-5-389-22173-4

© И. М. Бернштейн (наследник), перевод, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство Азбука®

Часть I

Весна

I

Он шел по Холиуэлл-стрит ранним июньским вечером, сняв студенческую шапочку с темной густоволосой головы и приспустив с плеч короткую мантию. Юноша невысокого роста и такого сложения, словно в нем смешались две совершенно разные породы: одна — коренастая, плотная, другая — изящная, нервная. Лицо его также представляло собой редкостное сочетание разнородных качеств, ибо черты его были твердые, а выражение мягкое, чуть капризное. Его глаза — темно-серые, щедро освещенные изнутри и осененные очень черными ресницами — умели глядеть куда-то вдаль, за пределы зримого, и оттого вид у него подчас бывал слегка отсутствующий; зато улыбка была неожиданно быстрая, обнажавшая вдруг белые, как у негра, зубы и зажигающая лицо удивительной живостью. Встречные посматривали на него, ибо в 1880 году еще не принято было студентам ходить с непокрытой головой. Особенно привлекал он внимание женщин; они видели, что он их вовсе не замечает, а просто идет, глядя вдаль, занятый своими мыслями.

Знал ли он сам, о чем думает? Едва ли он мог ответить на такой вопрос определенно в эту пору

своей жизни, когда повсюду, и в особенности за пределами сегодняшнего кругозора, было столько интересного и удивительного — столько всего предстояло повидать и сделать после Оксфорда, где к нему «ужасно добры» и вообще все, конечно, «милые люди», но не слишком интересные.

Он шел к своему профессору, чтобы прочесть ему реферат об Оливере Кромвелле; но, задержавшись под старой стеной, некогда замыкавшей в себе весь город, он вынул что-то из кармана. Это было живое существо, маленькая черепаха. С полным самозабвением смотрел он, как она осторожно, вопросительно поводит плоской головкой, и не переставал ощупывать ее своими короткими, тупыми пальцами, словно хотел яснее представить себе, как она устроена. Ну и твердая же у нее спина! Не удивительно, что старику Эсхилу стало слегка не по себе, когда вот такая свалилась ему на голову!¹ У древних она служила основанием, на котором покоился мир — мир в виде пагоды, составленной из людей, животных и деревьев, вроде той, что вырезана на дверцах китайского шкафчика в гостиной у его опекуна. Китайцы здорово делали животных и деревья, точно они верили, что у всех предметов есть душа и они существуют вовсе не для того, чтобы люди их ели, запрягали или строили из них себе дома. Эх, если б только в художественной школе ему позволяли лепить «по-своему», а не заставляли без

¹ Существует легенда, что древнегреческий трагик Эсхил умер оттого, что орел уронил ему на голову черепаху.

конца копировать и копировать! Честное слово, они словно опасаются, как бы человек не придумал что-нибудь свое.

Он поднес черепашку к жилету и придерживал, а она ползла вверх, но потом он вдруг заметил, что она жует угол его реферата, и пришлось положить ее обратно в карман. Что бы сказал его профессор, если б узнал, кто сидит у него в кармане? Чуть склонил бы голову набок и произнес: «Есть многое на свете, друг мой Леннан, что и не снилось мудрости моей»¹. Это верно, немало существует такого, о чем старому Стормеру и не снилось; он, кажется, страшно боится всего маломальски необычного и всегда подсмеивается над тобой из страха, как бы ты не стал смеяться над ним. В Оксфорде много таких. И это очень глупо. Ведь если бояться людского смеха, то ничего не добьешься! Вот миссис Стормер, она не такая; она совершает поступки... просто потому, что ей так хочется. Но ведь она не англичанка, она австрийка, и потом она настолько моложе старого Стормера.

И, оказавшись у дверей профессорского дома, он позвонил...

II

Когда Анна Стормер вошла в кабинет, ее муж стоял у окна, чуть склонив набок голову, — высокий, длинноногий мужчина, в мягком шерстяном

¹ Перефразированная реплика Гамлета.

костюме, рубашке с отложным воротничком (что было редкостью в те дни) и синем шелковом галстуке, ею связанном, который он носил продернутым через кольцо. Он что-то напевал, постукивая в такт по стеклу холеными ногтями. Хотя он и славился трудолюбием, но жена ни разу не заставала его за работой, и дом этот был им выбран именно за то, что отстоял чуть не на целую милю от колледжа, где обитали «наши юные шуты», как именовал он своих дорогих учеников.

Он не оглянулся — он вообще обращал внимание лишь на самое существенное, — но она знала, что он слышал, как она вошла. Она приблизилась к стоявшему у окна креслу и села. Тогда он обернулся и произнес: «О!»

То было почти выражение восторга, для него отнюдь не обычное, ибо он никогда ничем не восхищался, если не считать избранных мест из произведений древних авторов. Но она знала, что сейчас она особенно хороша: солнечный луч освещает ее прекрасную фигуру, играет на блестящих каштановых волосах и искрится в ее льдисто-зеленых, глубоко посаженных глазах, прикрытых черными ресницами. Для нее очень много значило, что она по-прежнему так красива. Сознать, что твой вид оскорбляет изысканный вкус супруга, — это было бы уж слишком. И без того скулы у нее, на его взгляд, чересчур выступали, символизируя чуждые ему черты ее характера — ту безоглядность, страстность, то отсутствие исконной английской ровности, что его так всегда раздражали.

— Харролд, — она так и не отучилась от раскатистого «р», — я хочу в этом году поехать в горы.

Горы! Она не видела их после того сезона в Сан-Мартино-ди-Кастроцца двенадцать лет назад, который кончился тогда их женитьбой.

— Ностальгия?

— Я не знаю, что это значит, — я соскучилась по родным местам. Мы поедem?

— Отчего же, если тебе хочется. Только уволь меня от восхождений на Чимоне-делла-Пала.

Она поняла, что он хотел сказать: никакой романтики! А как великолепен он был в тот далекий день, когда они подымались тогда на вершину! Она почти боготворила его. Как она была слепа! Как заблуждалась! Неужели тот же человек стоит сейчас перед нею — с ясными, неверящими глазами, уже с сединой в волосах? Да, с романтикой покончено! Она сидела молча и глядела в окно на улицу — на ту старинную улочку, куда ей глядеть теперь дни и ночи. Кто-то прошел за окном, поднялся на крыльцо и позвонил. Она тихо сказала:

— Марк Леннан пришел.

Она почувствовала, как взгляд мужа мгновение задержался на ней, — это он отвернулся от окна и пробормотал: «Ах, шут-ангелочек!» Замерев, она ждала, чтобы открылась дверь. Вот он. Милая темная голова и эта мягкая, застенчивая серьезность. И реферат в руках.

— Ну, Леннан, как поживает старик Оливер? Гений лицемерия, а? Придвигайте стул; сейчас мы с ним живо покончим!

Она неподвижно сидела у окна и разглядывала пару за столом — юноша читал своим удивительным, бархатистым басом, а ее муж сидел, откинувшись, составив концами пальцы обеих рук, слегка наклонив набок голову и улыбаясь своей слабой, сардонической улыбкой, которая никогда не передавалась глазам. Да он дремлет, он заснул! А мальчик, не замечая, продолжает читать. Он дошел до конца и только тут поднял голову. Какие у него глаза! Другой бы посмеялся, но он только смутился. Она услышала, как он тихо произнес:

— Ради бога, простите, сэръ!

— А, Леннан, каюсь, я попался! По правде сказать, этот семестр меня совсем доконал. Мы собираемся на лето в горы. Бывали вы в горах? Что? Никогда?! Вам надо поехать с нами. Что ты на это скажешь, Анна? Как по-твоему, разве не должен этот молодой человек поехать с нами?

Она встала и пристально смотрела на них. Уже не ослышалась ли она?

Потом ответила очень серьезно:

— Да, по-моему, ему надо поехать.

— И прекрасно; вот пусть он и лазит на Чимоне-делла-Пала.

III

Когда юноша простился и ушел, она задержалась у порога в полосе солнечного света, падавшей через приоткрытую дверь, и стояла, прижав ладони к горящим щекам. Потом захлопнула дверь

и припала лбом к окну, невидящими глазами глядя на улицу. Сердце у нее учащенно билось; она еще и еще раз переживала то, что сейчас произошло. Все это значило гораздо больше, чем казалось со стороны. Правда, тоска по родине бывала у нее и раньше, особенно весной, но в этот раз *совсем иное* чувство заставило ее сказать мужу: «Я хочу поехать в горы!»

Двенадцать лет она тосковала по горам, но не просилась в горы; в этом году она попросилась в горы, но она уже по ним не тосковала. Наоборот, она пришла умолять мужа о поездке, потому что вдруг с недоумением осознала, что ей не хочется уезжать из Англии, и поняла причину своего нежелания. Но почему же тогда, решившись бежать от мыслей об этом юноше, она ответила: «Да, по-моему, ему надо поехать»? Нужды нет, ведь она всю жизнь разрывалась между разумом и порывом — странная, напряженная, мучительная двойственная жизнь! Сколько времени прошло с того дня, как он впервые появился у них в доме, молчаливый и застенчивый, с этой внезапной улыбкой, когда он весь словно озаряется внутренним светом? В тот день она сказала мужу после его ухода: «Да он просто ангел!» Еще и года нет. Ведь это было в октябре, в самом начале осеннего семестра. Он так отличался от всех студентов — он, конечно, был не гений с растрепанными волосами, в мешковатой одежде и острый на язык, — нет, но просто в нем есть что-то... что-то особенное; просто потому, что он — это он; потому что ей страстно хочется сжать в ладонях его

голову и поцеловать. Она так ясно помнит тот день, когда это желание пришло к ней впервые. Она угощала его чаем, это было в самом начале весеннего семестра. Он сидел, гладил ее кошку, которая всегда сама лезла к нему на колени, и рассказывал, что хочет стать скульптором, а его опекун против, так что приходится все отложить до совершеннолетия. На столе стояла лампа под розовым абажуром; он пришел к ним после гонок на реке — а день был очень холодный, и его обычно бледное лицо пылало. И вдруг он улыбнулся и сказал: «Очень неприятно ждать, правда?» Вот тогда-то она чуть было не протянула к нему руки и не прижалась губами к его лбу. Она тогда думала, что поцелуй, о котором она мечтает, — материнский, что ей больше всего хотелось бы быть его матерью. Она и в самом деле годилась ему в матери, ведь могла же она выйти замуж в шестнадцать лет. Но теперь она уже давно поняла, что ей хочется поцеловать его не в лоб, а в губы. Да, он вошел в ее жизнь, он точно огонь очага в холодном, непроветренном доме; трудно даже представить себе, как она могла все эти годы жить без него. Она так скучала по нему долгие полтора месяца пасхальных каникул и так радовалась его трем письмецам, полуробким, полудоверчивым; покрывала их поцелуями и носила за корсажем! И в ответ отправила ему длинные, добропорядочные послания, по языку которых все еще было заметно, что она иностранка. Она ничем не выдавала ему своих чувств; даже мысль, что он мог бы догадаться, страшила ее. Начался летний семестр, и думы

о нем заполнили всю ее жизнь. Быть может, если бы не умер десять лет назад ее новорожденный ребенок, если бы его жестокая гибель — после мук, которые она приняла, — не убила бы в ней навсегда желание иметь детей, если бы она не жила все эти годы с сознанием, что ей уже нечего ждать тепла, что любовь для нее позади, если бы ее могла увлечь и захватить жизнь в этом красивейшем старинном городе, — тогда, быть может, у нее нашлись бы силы, чтобы подавить пробуждающееся чувство. Но ей нечем было защититься. Жизнь в ней была ключом, и она чувствовала, что все это пропадает даром, ни за что. Подчас она оборачивалась мукой, ее страстная потребность жить — дать выход своим жизненным силам. Сколько одиноких прогулок совершила она за эти годы, стремясь раствориться в природе, — торопливо шла, почти бежала через безлюдные рощи и поля, ища спасения от мыслей о напрасно загубленной жизни, пытаясь вернуть себе настроения своей юности, когда перед нею открывался весь мир. Для чего так великолепна ее фигура, так блестят ее темные волосы, а глаза лучатся светом! Она перепробовала много разных занятий. Благотворительность, музыку, любительский театр, охоту; бралась, потом бросала; потом с увлечением бралась снова. Раньше это помогало. Но в этом году не помогло... И в одно воскресное утро, когда она возвращалась с исповеди, так и не дойдя до исповедальни, она отважилась взглянуть истине в глаза. То, что с ней происходит, дурно. Она должна убить в себе это чувство, должна бежать от этого

юноши, к которому ее так влечет. Надо действовать немедленно, иначе ее захватит и понесет. И тут же возникла мысль: ну так что ж? Жизнь дана, чтобы жить, а не тупо дремать посреди этого культурного заповедника, где старость у людей в крови! Жизнь дана для любви, для счастья! А ей через месяц будет уже тридцать шесть лет. Ей казалось, что это ужасно много — тридцать шесть! Скоро она уже состарится, совсем состарится, так и не изведав страсти. Поклонение, возведшее в герою немолодого (он был на двенадцать лет старше ее) англичанина с благородным профилем, который возглавил тогда восхождение на Чимоне-делла-Пала, не было страстью. Оно, быть может, перешло бы в страсть, пожелай он этого. Но он весь — пристойность, лед, книги. Есть ли у него сердце, кровь ли течет в его жилах? Знакома ли радость жизни этому чересчур красивому городку и людям, в нем живущим? Этому городку, где даже вдохновение пристойно и бескрыло, где все имеет вид незыблемый и умудренный, как эти церкви и монастыри? Но все-таки... питать подобное чувство к юноше, почти мальчику, который ей чуть не в сыновья годится! Тут есть что-то... бесстыдное. Эта мысль преследовала ее, в темноте заливала краской ей щеки, когда она лежала ночами без сна. И тогда она принималась страстно молиться — ибо она была набожна, — чтобы ей было дано остаться чистой, чтобы ей ниспослано было святое материнское чувство, чтобы ее преисполнила простая готовность ради этого юноши, ради

его блага, пойти на любые трудности и жертвы. После этих долгих молитв на душе становилось спокойнее, клонило в сон, словно она приняла снотворное. И так на несколько часов. А потом все начиналось сначала. Но она никогда не думала о том, что и он может полюбить ее; это было бы... противоестественно. Как может он ее полюбить? На это она не надеялась. После того воскресенья, когда она так и не зашла в исповедальню, она все пыталась придумать, как положить этому конец, как избавиться от страсти, которую у нее не было сил подавить. Вот тогда-то ей и пришла в голову мысль — уехать в горы, снова очутиться там, где ее муж впервые вошел в ее жизнь; быть может, там ее чувство угаснет. Если же нет, она попросит, чтобы муж оставил ее там, у ее родных, вдали от опасности. И вот теперь этот глупец — этот слепой, самодовольный глупец, с вечной своей сардонической усмешкой и неизменным высокомерием — обратил ее план против нее самой. Ну что же, пусть пеняет на себя; она сделала что могла. Она возьмет свою долю счастья, и будь что будет, пусть даже ей придется навсегда остаться там и потом никогда больше не видеть этого юноши.

Стоя в полутемной гостиной, где слабый запах древесной гнили просачивался в воздух всякий раз, стоило лишь закрыть окна и двери, она вся трепетала от тайной радости. Очутиться с ним в родных горах, показывать ему все эти удивительные утесы, сверкающие или бурые, землистые,

подняться с ним вместе на их вершину и увидеть все царства земные у ног своих, бродить с ним по альпийским сосновым лесам, в аромате всех деревьев и цветов, в жарких лучах родного солнца! Первое июля — а сегодня только десятое июня! Как ей дожить до этого дня? Но теперь они поедут не в Сан-Мартино, а в Кортину, например, куда-нибудь в незнакомое место, свободное от воспоминаний.

Она отошла от окна и стала перебирать цветы в вазе на столике, потому что услышала голос мужа, — он напевал, и этот звук служил обычно как бы провозвестником его появления, словно предупреждая мир, дабы тот поспешил принять к его приходу благопристойный вид. Счастливая, она сейчас глядела на мужа дружелюбно и признательно. Хотел он того или нет, но он подарил ей радость! Муж спускался по лестнице через две ступеньки с тем «неакадемическим» видом, который был ей так знаком; сняв с вешалки шляпу, он обернулся к Анне:

— Славный юноша этот Леннан. Будем надеяться, он на нас там не нагонит скуку.

В его голосе слышался какой-то призыв раскаяния, словно он просил простить его за недуманное приглашение. И ее вдруг одолел смех. Чтобы скрыть это, она подбежала к нему, пригнула его к себе за лацканы сюртука и поцеловала в кончик носа. И рассмеялась. А он стоял и глядел на нее, склонив слегка набок голову и чуть-чуть приподняв брови.

IV

Когда раздался легкий стук в дверь, Марк хоть и встал уже с постели, но еще не кончил одеваться — он то и дело застывал, сонно глядя в окно на горы, которые нежились в раннем свете утра, подобные огромным животным. Та, на которую им предстояло взобраться, словно чуть-чуть приподняла от лап голову, — она казалась сейчас такой далекой! Приоткрыв дверь, он шепнул в щелку:

— А что, уже пора?

— Пять часов. Вы разве не готовы?

Как это грубо — заставлять ее дожидаться. Он торопливо спустился в пустую столовую, куда заспанная горничная уже несла им кофе. Анна сидела там одна. На ней была синяя блуза с открытым воротом, зеленая юбка и серо-зеленая бархатная шапочка с тетеревиным пером. Почему это люди не могут всегда так красиво одеваться и выглядеть так замечательно?! Он сказал:

— Как вы сегодня хороши, миссис Стормер!

Она так долго не отвечала, что он уже начал опасаться, не прозвучало ли это грубо. Но ведь у нее и в самом деле был сейчас такой здоровый, оживленный, счастливый вид.

Путь вел под гору, через лиственничную рощу, к реке, а оттуда по мосту и вверх по склону через луга, где косили сено. Как мог старик Стормер проспать такое утро! Крестьянские девушки в синих полотняных юбках уже сгребали траву, которую успели накосить мужчины. Одна, работавшая

на краю луга, выпрямилась, когда они проходили, и застенчиво им поклонилась. У нее было лицо мадонны — очень спокойное, серьезное, доброе, с тонкими, изогнутыми бровями; глядеть на такое лицо — просто наслаждение. Юноша оглянулся на нее. Здесь все для него, никогда не выезжавшего за пределы Англии, было странным и восхитительным. Маленькие шале с широкими деревянными галереями, покрашенными темно-коричневой краской, под далеко выступающими краями кровель. Яркие платья крестьянок; и приветливые низкорослые коровы светлой масти, как густые сливки, с тупыми серыми носами. Даже воздух здесь был другой, в нем играло бодрое, животворное тепло, оно словно бы покрывало легкой коркой недвижный массив мороза; и этот особый аромат предгорий — запах сосновой смолы, запах лиственничных дров и сладкий запах луговых цветов и трав. Но непривычнее всего было его собственное ощущение — гордость, сознание своей значительности, какой-то странный восторг оттого, что он с нею наедине, оттого, что он избран в спутники ею, которая так прекрасна.

Они обогнали всех других альпинистов, шагавших той же дорогой, — это чаще всего были толстяки-немцы, у которых за спиной болтались стянутые ремнями куртки, а в руках были тяжелые альпенштоки и зеленые сумки; они двигались ровным, упорным шагом, бросая вслед Анне и ее юному спутнику: «Aber eilen ist nichts!»¹

¹ Спешить не годится! (нем.)

Голсуорси Дж.

Г 61 Темный цветок : роман / Джон Голсуорси ; пер. с англ. И. Бернштейн. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 352 с. — (Азбука-классика). ISBN 978-5-389-22173-4

Джон Голсуорси — знаменитый английский прозаик, драматург и поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе (1932), автор любимой многими поколениями читателей «Саги о Форсайтах». «Лучший путь к сердцу читателя — представлять жизнь такой, какой ее видишь, со всей искренностью и совершенством, на какие способен», — считал Голсуорси. Во многих его произведениях ощущается автобиографическое начало, к их числу относится и роман «Темный цветок» (1913). Его герой — Марк Леннан, на разных жизненных этапах он переживает новую влюбленность, новую страсть, которая захватывает его. «Весна», «Лето», «Осень» — названия частей романа, которые соответствуют юности, поре взросления и зрелости Марка Леннана. Известная танцовщица Маргарет Моррис узнала себя в одной из героинь романа: «Читая „Осень“, я была поражена тем, с какой точностью [Голсуорси] дословно воспроизводил целые фрагменты наших разговоров». Насколько разрушительна страсть, движущая героем, для него самого и для его близких и насколько применимы к чувству любви нравственные оценки — на эти вопросы автор предоставляет право ответить читателям.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДЖОН ГОЛСУОРСИ
ТЕМНЫЙ ЦВЕТOK

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Людмила Дубовая, Юлия Теплова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 18.11.2022. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 15,51.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в АО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

A-AKB-31135-01-R